

Безгласное королевство

В прикарпатском царстве, в лесном государстве, - хочь с Ивана Великого в подзорную трубу смотри, от нас не увидишь, - соскучился какой-то молодой король. Крикнул свиту, на охоту. Отмахали верст с пяток... Время жаркое, - орешник на полянке, на что куст крепкий, и тот от зноя сомлел, ветви приклонил, лист будто каменный, никакого шевеления.

Привязала свита коней к орешнику, король широкой походкой вперед идет, камыш раздвигает, ручья ищет. Ан был, да весь высох... Всмотрелся король в чащобу, видит, незнакомая малая хатка под дубом стоит, дым не дымит, пес не скулит, будто и нет никого. Махнул он перчаткой, свита да стража за им пошла. Видят - дверь в сенях пасть раззявила, хочь свисти, хочь стучи, никто, девкин сын, не откликается.

Ну что ж, не в рюхи с хозяином играть: главное-то и без него в сенцах нашлось. Выкатили бочоночек на свет, втулку выбили, - стоялый квас шибанул в глаз, все так и повеселели. Выпили они по липовому ковшику, от короля до королевского денщика, в затылок по чинам ставши. Хоть болотной бражкой и припахивает, однако ж около хвоста меду не ищут. В лесной глуши и на том спасибо!..

Тут-то вот, милые мои, король дуба и дал: ему бы по званию своему империал-другой неведомому хозяину на лавке оставить надо, - запас, вишь, весь вылакали. Однако ж он, по веселости лет, запомятовал, дежурный генерал не доложил, адъютант икнул, не подсказал, денщик не насмелился. Так и укатили.

Только трава улеглась, тихий шорох по-за кустами растаял, копыта вдали по корням вперебой захлопали, - вылезает это из-за вереска дремучая борода, кудлатая голова, колючие глаза, - лесной колдунок, который, значит, в хатке этой обосновался.

Приполз он к сеням, - ножки-то у него были с младых лет сдрюченные, - в материнской утробе не так повернулся, осечка и вышла... Принагнул кадушку, ан в ней одна нахальная муха пищит, которая за остатной каплей забралась. Благословил он незваных гостей начерно: квас-то был ядреный, в подполье мореный, на семи травах настоенный... Весь лес, почитай, задом обьелозил, пока до настоящего букета добрался. Вот тебе и запасся!.. Пошарил он по

лавке, по подлабочью, - хочь бы алтын ему король за выпитое бросил. Чин королевский, а поступки цыганские...

Почервонел колдун, черной слюной харкнул. Ладно, - думает, - квасок-то хорош, да как-то он еще отрыгнется...

Ступил он на порог, кротовью костку из-под половицы добыл, спрыснул ее из баночки папоротниковой настойкой, на жабьих глазах настоенной, повернулся к востоку, где королевский город за лесом лежал, и стал над косточкой причитать:

- Кто мой квас пил, рыло омочил, всем им со сродственниками, соседями-подсоседями, со слугами-стражей, со всем приплодом, всему их роду на все королевство уста запечатываю... Бабам не галдеть, колесу не скрипеть, кишкам не бурчать, наяву не чихнуть... Ты взойди, тишина, как над озером луна! Одним птицам-сестрицам, косматым зверям, да насекомой твари уста отмыкаю. Слово мое крепко, дело мое цепко, - ни черту расколдовать, ни ангелу расковать. Тьфу, тьфу, ехал шиш в Уфу, голова в кустах, хвост на плечах, печать на устах!..

Отпономарил он все, как следует, косым каблуком прихлопнул, заржал да и уполз в вереск семь трав для нового кваса собирать. Нельзя же ему, сволочи, без квасу-то.

Летит король на аргамаче, стремяна пружинит, плащ за спиной ласточкой. Чтой-то свиты не слышно, - ни свиста, ни топота? Обернулся: все за ним веером скачут, только чудно как-то, - галопом дуют, будто ветер по воде стелется, уздечка не звякнет, копыто не цокнет. Попридержал король коня, портсигар вынул, у дежурного генерала серничка хотел спросить, раскрыл жаркие уста, - ан, окромя дыхания, ни полслова... Затормозило, значит! Нахохлился король, безмолвной плетью лист с дуба сбил. Свита да стража кольцом обступила. Которые поближе, дали королю прикурить, а он папироску на земь, - как рыба в садке, рот раскрывает, приказание какое сделать хочет, что ли... Да как прикажешь, ежели в словесной машине завод соскочивши?

Повернулись тут и прочие, друг к дружке с седла тянутся, спросить хотят, что с королем приключилось, - рты настежь, языки мельницей. Да что ж с одним языком сделаешь, ежели колокол черти унесли?

Смятение тут пошло, коней вальсом вертят, лесной воздух глотают, пальцами слова подпихивают, - хочь бы хны!.. Пропала вся словесность, как есть, даже и чертыхнуться нечем.

А тут и собачки подбавили. Натянула вся свора сыромятные ремешки, зады дрожат, глаза - сверчками, да как заголосят:

- Что ж это за охота, сукины вы дети?! Вон там за кустом лис с огненным хвостом прочертил, - а нас не спускают!

Шарахнулась тут свита, завертелись охотнички... Слыханное ли дело, чтобы людям молчать, псам разговаривать? А псы так и надсаживаются. Лопнули ремешки, собачки по осиннику так и брызнули... Ан, король ни с места! Лоб перчаткой утер, да гневный знак доезжающему сделал: труби, мол, в рог, сзывай их, вислозадых, назад, - какая, мол, теперь охота...

Приложил охотничек гнутую завитушку к устам, надул щеки арбузом, ан из рога, как из карася, одна безгласная тишина кольцом вьется.

Испужался король, свита фуражки долой, - лбы крестят, да поводья почем зря туды-сюды дергают... Надоело коням в карусели вертеться, повернули к седокам головы, зубки оскалили, да как заржут:

- И-го-го! Матерям вашим - кобылам сто плетей в зад! Задержали нас совсем... Чего, дружки, на них, обалделых, смотреть - гони в королевские стойла... Видно, нынче дело - табак, завертят они нам головы окончательно!..

Прикусили мундштуки, задами друг на дружку нажали, выстроились по четверо в ряд, да как дернут марш-маршем к золотым королевским кровлям, что над холмом светлым маревом горели, - аж седоков к луке будто ветер пригнул. Ни топота, ни хруста: облака над лесной полянкой вперегонку плывут, - поди-ка, услышь-ка...

Осадил бессловесный король коня у парадного крыльца, - королева к нему, как подбитая лебедь, скатывается, белые руки ломает: беда во дворце стряслась, она доложить-то без слов и не может. Сынок королевский с нянькой в палисаднике играл, журчал, как ручей, да вдруг с нянькой его и закупорило, - знаки подают, а разговора не слышно, одни пузырики на губах играют... Кинулась королева к челяди, да и тут неладно: повар судомойку, лакей горничную за пуговку держат, белыми губами шевелят, - хочь в рот к ним вскочи, не услышишь... В окно короля заприметила, с лестницы катышком скатилась, да сама и онемела.

Король королеву по круглой головке погладил, свите рукой махнул, - расходись, мол, братцы, что ж нам карасям пучеглазым друг на дружку смотреть-то... Королевича на руки подхватил, к широкой груди притулил, - ни ответу, ни привету. Так втроем в опочивальню и ушли в тишину, как под лед нырнувши...

А в королевской резиденции и не весть что завертелось.

Бабы у колодца судачили - первое их дело соседские кишки полоскать, - да вдруг как тихим громом их ударило... Тужатся, тужатся, ан, выстрелить-то и нечем. До того им обидно стало, аж за ушами засвербело. А тут козел с вала по-над колодцем, потная шерсть, морду повернул, да как фыркнет:

- Наговорились, гладкие... Будя! Давайте-козь теперь нашему брату словесного козла подоить...

Да как начал их отчитывать, - почему в хлеву навоз горбом, почему козы не доены, - чай пастух их давно из-за яра пригнал; почему козлу ни одна баба черного хлебца с солью не поднесет, сами-то, шкурехи, небось, булку трескают... Ишь, вымя-то как раздуло!

Освирепели тут бабочки, стали в него камнями пулять. До чего удивительно: который камень в самое пузо угодит, - ни гула, ни треска, будто ангел крылом одуванчик сшиб. Однако ж больно, мать их в пуп боднуть, копытом прихлопнуть! Терпел козел, терпел, да как стал их поперечными словами вентелировать, - тоже и он кой-чему около королевских казарм научился. Перепужа-лись бабы тут окончательно, да так неслышным галопом по домам и брызнули... Что ж за жизнь пошла, ежели все слова, чистые да нечистые к козлу перешли, а бабам и огрызнуться нечем!..

Пьяненький тут один по забору пробирался, - мастеровой алкогольного цеха. Только хайло расстегнул, нацелился песню петь, ан из него один пьяный пар в голом виде. Икнуть и то не может... С какой такой стати это такое беззаконие? Даже остановился он, ручкой сам себе щелкнул, а щелчка-то и не слышно. Вот так пробка! А мухи над ним столбом в винном чаду завились, да зубы скалят... Обрадовались, с роду не говоривши:

- Ах, мухобой какой! Милые, гляньте-ка, как его от двух бортов качает. И кто ж это ему ноги передвигает? Чай, давно ему время с копыт-то слететь. Вали, дядя, лужа-то мягонькая!..

Шлепнулся мастеровой беззвучным тюфячком в канаву, ножки задрал, - досада его калит: последняя тварь, муха, выражается, а он всего, как есть, разворота лишился. Дела!..

Ребятенки тут поодаль в бабки играли. Меткий удар - легким словом подстегнуть первое дело... Ан и их зацепило: руками машут, голоса черт унес. Испужались они, вздумали было зареветь, да рева-то и нет... Прыснули они тихими воробьями по хатам к матерям. Какая уж тут без крика, без визга игра.

Мужик с бабой на завалинке супротив винной лавки сидели. Только было пристроился по случаю вечерней прохлады с бабой поругаться, - словом занозистым зарядился, да порох-то и отсырел... Уж он и квасу глотнул и табачку понюхал, - на полслова силы не хватило... Двинул он с досады бабу в бок, - так она и взвилась, чтобы раскатной дробью его осадить. Да вместо того только и смогла, что между глаз ему плюнула... Даже и драться не стали, до того им обидно стало. Что ж драться, ежели и взвинтить друг дружку нечем.

Кот ихний, Гришка, драная голова, с забора так и залился:

- Ну и камедь, мышь вам во щи!.. Сроду таких делов не видал. Мы, на что коты, и то спервоначалу пофырчим-пофырчим, а потом плюемся да цапаемся. А тут, слова не сказавши, он ее в бок, а она в него, обратной почтой харкает...

Раскипятился мужик, хватил в кота поленом, да, спасибо, не попал. Пошел с бабой в избу, да так и не ужинавши, огня не вздувши и взобрались на полати... Спиной друг к дружке, двуглавым орлом сонные пузыри пускать.

Опять же кузнец за пустырем на отлете борону клепал. Свистал, свистал, что ж за работа без свиста, - ан свист-то с губ вдруг и сдуло... Подивился он было, - что за пес, кто ж губы заклеил? Да и удивляться-то не успеешь: молотом по железу стучит - ни стуку, ни гука... Поддувало не скрипит, огонь не трещит... Что за наваждение?.. Поскреб он в затылке, задом из кузницы выкатился, сел на старую наковальню. Час не поздний, а тишина вокруг, - будто город периной накрыли. Одни псы, - спаси и помилуй! - на свалке кости грызут, да друг дружку, как нищие на ярмарке, собачьими словами облаивают.

"Пойди, сволочь, с моего места!" "От сволочи слышу"...

"Да дайте ж ей, сукиной дочке, тяф, бычьим ребром по зубам, - что ж она на мою падаль распространилась!.."

Охнул кузнец, побежал к королевскому фельдшеру по соседству, авось, тот ему какое разъяснение даст, либо пиявки к разговорной жиле поставит. Да и с фельдшера-то взятки гладки: сидит на полу, телескопы выпучив, сам себя за язык тянет, выдоить-то и нечего.

Словом, пошла тут жисть по всему королевству. Судья не судит, купец не зазывает, трактиры паутиной заплело, свадеб не играют, ребят не крестят, именин не справляют, в гости не ходят... В пустую молчанку только тараканов на стене бить интересно.

А скотину домашнюю да прочую живность, всю как есть, в лес прогнали, - ну их к Анчутке, с разговорами ихними бесовскими. Умней людей хотят быть, в лесу и подохнут. Не коровам баб доить, не коровам и разговаривать.

Особливо военных подрезало, - хочь все войско распускай по задворкам в бессловесной одури подсолнухи грызть. Часовых у дворца и то сменить нельзя, пароля не передавши... Стой хочь до седой бороды, пока квашней на земь не осядешь. Сам король караулы и похерил, своей властью пищали у часовых поотобрал, - расходись, мол, по казармам слонов слонять, а немного короля тишина укараулит... Ученье начисто отменил. Без раскатной команды, без барабанного боя, без песен да марша одни лягушки по отделениям скачут, да и те квакают. Вздумали было спервоначалу батальонное ученье по знакам производить, да воробьи засмеяли: "Первая рота пьяным серпом развернулась, вторая - себе на штаны наступает!" Так и бросили.

Заскучали тут генералы, распечь некого, - самовар, и тот громогласно бурлит, когда жар его проймет. Офицеры да фельдфебеля бесшумно орехи грызут, в дурачки, будто утопленники под водой, тихим манером дуются. Ни сока, ни сладости. Солдатики по углам хлеб да кашу жуют, - что ж и собираться-то вместе, ежели за обедом ни шутки сшутить, ни легким словом перекинуться. Да и насчет прочего, скажем, с миловидным предметом в королевской роще прогуляться... Нельзя же девушку сразу за банты брать, разговор-то хоть махонький нужен.

А король и совсем скис. Приемы прекратил, не глазами ж друг дружку облизывать. Всех иноземных заезжих гостей отвадил, границу закрыл, - срамота, ведь, братцы: гость разговорчивый из другого правильного государства приедет, - ужели кобылу к нему для беседы рядом за королевский стол сажать? Мораль по всем странам пойдет...

Королева с сынком безгласным все в опочивальне сидит, безмолвные слезы глотает. По всему дворцу ребяенок, словно чиж, трещал, а тут до того измолчался, что на пальцах разговаривать стал. Сердце надорвешь, смотревши.

Сидит как-то король у окна, на закат смотрит, сладкий пирог вилкой расковыривает. Власть ему не власть, еда не в еду... только видит - вдали пыль закурилась, народ ко дворцу волной валит, немой громадой накатывает. А впереди отставной солдат Федька, малый еще не старый, которого в запрошлом году громом-молнией на часах оглушило, - с той поры он и онемел. Подошли поближе, король аж в окно перегнулся... Экая вещь: лопочет что-то Федька, руками размахивает, а вокруг его бессловесным стадом народ рты

порази́нул, слу́шает, не наслу́шается. Не́мой загово́рил, язы́каты́е оне́мели, ви́дно, и впра́мь дере́вья ско́ро ко́рнями кве́рху ра́сти на́чнут.

Взо́шел ту́т а́дьюта́нт, на па́льцах по́казал, что, мо́л, Фе́дька к ва́шему ве́личеству до́стигну́ть же́лает, - ка́к, мо́л, при́кажете?

Ко́роль и чи́н сво́й на по́доконни́ке за́был, отстра́нил чу́буком а́дьюта́нта, да впри́прыжку са́м к кры́льцу по́бежал.

Пере́крести́лся Фе́дька, по́клон ко́ролю до са́мой пря́жки отдал, да ка́к загово́рит, а́ж те́плый ве́тер по то́лпе про́шел, до то́го че́ловече́ью ре́чь слу́шать лю́бо.

- Не ту́жи, ва́ше ве́личество! Де́ло е́ще мо́жет на по́правку по́йти. А по́куль что, разре́ши с гла́зу на гла́з по́тае́нный до́клад сде́лать, - ве́щь пе́рвой ва́жности. Се́крет при́ всех, ка́к сне́г на ба́заре: по ка́блукам гря́зью разо́йдется...

Хва́тает его́ ко́роль ла́скowo по́д ло́коть, ве́дет до́рого́го го́стя в ка́бинет: де́рзь за́мкну́л, во вто́рой ка́бинет про́вел, о́пять за́мкну́л. По́сере́дь по́кою сту́льчик е́му при́двину́л, са́м ря́дом се́л, у́хо при́клони́л. Че́обы не по́дслу́шива́ли, зна́чит.

Фе́дька-то ту́т и вы́потроши́лся:

- Ка́к я, ва́ше ве́личество, по́сле не́моты сво́ей загово́рил, зао́дно с бе́ссловесно́й тва́рю в о́братну́ю ли́нию по́павши, - ту́т со́бачка мо́я, ми́ловидный Ша́рик, с разго́вором ко́ мне и при́летает. О́днако ж о́на пе́с не наха́льный, не возго́рдилась... Та́к и та́к, - го́ворит, - хо́зяин... Я э́то де́ло о́бсле́довала. По сле́дам ко́ролевско́й сви́ты в ле́с сма́хала. Ме́ж ку́стов и тра́в на ха́тку э́ту по́д ду́бом я и на́пала. Ви́жу, со́ва - кру́глый гла́з, на це́пи на за́гнетке си́дит, ко́лдуна сво́его дра́гунски́ми сло́вами ру́гает. "По́чему, спра́шиваю, ду́ра, ру́гае́шься!" - "А по́чему ж о́н, злы́день, у́шел се́мь тра́в со́бира́ть, а мне хо́чь бы ко́рочку оста́вил, на це́пь за́мкну́л"... Со́бачка мо́я, на́турально, зве́рь ба́шковаты́й, в ле́с сма́хала, за́йчо́нка со́ве при́несла, - тре́скай, сте́рва, а ка́к нае́шься, ра́сказа́вай да́льше. Ну, со́ва ко́сточку по́следнюю о́бгло́дала, да Ша́рику все и вы́ложи́ла. Че́стная, дря́нь, о́казалась... - Ка́к, мо́л, ко́роль со́ сви́той ква́с вы́дули, да ка́к ко́лдуно́к с о́тча́янно́й зло́сти на́говор на крото́вье́й ко́стке сде́лал, все ко́ролевство́ ре́чи ли́шил... Да́л я Ша́рику за у́мстве́нность мо́лока по́хлеба́ть, да и на́доуми́л его́: со́ва к ве́черу о́пять ого́лода́ет, ста́щи-ка е́й ку́ренка, да сра́зу не да́вай, - по́дрази́ни. Авось о́на, на це́пи си́дя, со́ зло́сти на ко́лдуна, и про́говорит́ся, хо́хлатая шу́кура, на́сче́т сре́дств́ия, ка́к язы́к-то во́ всем ко́ролевстве́ о́пять разго́ворным ко́нцом о́бверну́ть... Ка́к по пи́санному, ва́ше ве́личество, все и

вышло. Сымайте с вашего королевского пальца кольцо с печатью, дайте мне его на малое время. Завтра к обеду, авось, все и загалдят, а пока более ни об чем докладывать не могу.

Обнял король Федьку, в небритую скулу его безмолвно чмокнул, кольцо с пальца снял, сам Федьке сладкий пирог на вилке подносит... Полное, стало быть, доверие оказал.

Ранним утром обскакал Шарик, обрыскал все королевство: "Сходись все на базарную площадь, хозяин Федька вас лечить будет". Слетелся народ, как мухи на патоку, - голова к голове, будто маковки. Король с семейством да первые чины за ними кольцом. А Федька старается: под котлом посередь базара костер развел, разварил кротовую костку. Потом огонь загасил, дал воде остынуть маленько, на бочку стал, печать показал, да как гаркнет:

- Королевской властью приказываю, чтоб на короткий срок предоставили мне самую болтливую во всем королевстве допреж беды бабу! Вреда ей не будет, одно удовольствие... Только правильно, голуби, выбирайте, чтоб ошибки не вышло.

Вскипел тут бесшумно народ, стали то одну, то другую выпихивать, - бабы упираются, галки с крыш смеются, толку ни на грош. Взяли тут бабы дело в свои руки, пальцами туда-сюда потыкали, выхватили перекупку одну базарную, сырую бабеху в полтора колеса в обхвате... Подтащили к Федьке, головами показывают: честно, мол, выбирали, - болтливей ее ни одной сороки не было...

- Ну мать, - говорит Федька, - скидывай лишнее, лезь в котел. Да не бойся, не щи из тебя варить буду, только попаришься.

Перекупка туда-сюда метнулась, да не уйдешь. Подхватили ее бабы под рукоятки, тыквы у нее от волнения разболтались... Смехота!

- Да ладно уж, - смилостивился Федька, - сорочку на ей оставьте, и в сорочке искупается. Что ж нам на ее вдовый балык любоваться...

Бухнули ее в теплый котел, аж до колокольни брызги долетели. Окунул ее Федька раза три, выудил, крякнул, да на спине вон и выволок. Сушись, ласточка, навар в котле, подол на земле.

Размешал он варево, скомандовал всему населению - от короля до лохматого нищего - к котлу подходить, да каждому по чарке бабьей настойки - на кротовой костке - и поднес... Морщились некоторые, - скус-то не курочкой отдает, однако, говорить хочешь, - не откажешься.

И вот враз, чуть последнему грудному младенцу последнюю чарку хлебнуть дали, - весь базар заголосил-загалдел, аж до неба докатилось. А из лесу скотина да прочая живность откликается, - домой идут. - Разговор-то у них, всех, скотов, сразу и замкнулся: корова мычит, петух кукарекает, как по расписанию Божьему полагается.

Обступил тут народ Федьку кучей, король ему десятку сует, королева - поясок, с себя снявши, презентует. А Федька-то тут, братцы, и онемел, опять вровень с бессловесной тварью в свое состояние вернулся...

Королева заахала, народ соболезнает: всех спас, а сам назад подался... Спрашивают его - нет ли для него, Федьки, особого средства? А он, шут, только смеется, да на знаках что-то показывает.

Тут-то молодой королевич и пригодился: на пальцах-то он хорошо понимать стал.

- Вещь в том, - говорит, - что ежели эта баба, которую он искупал, с первого новолунья ради него трое суток добровольно молчать согласится, - тогда и к Федьке словесность навсегда вернется.

Подтащили тут мокрую перекупку, просят ее, умоляют, а она как раскатилась:

- Бабку ему под пятое ребро!.. Чтоб я? Да ради него? Ради срамника-то этого, который меня, стародавнюю вдову в натуральном виде при всех разбандеролил? Ни минуты не помолчу, ни полминуточки, ни вот на столечко...

И пошла кудахтать... Так весь базар и грохнул. Рассмеялся Федька, русой башкой тряхнул, через королевича объяснил: и без речи, мол, обойдусь, не привыкать стать! Королевское семейство да весь народ вызволил, - на королевскую десятку с товарищами выпью... А баба эта пусть мою разговорную порцию себе берет... Авось не лопнет!